

«ТАТ-НЕФТЬ»

Алексей не верил в стабильность и каждый день листал новостную ленту в ожидании девальвации рубля или объявления военного положения. Не верил батюшке, телевизору, современной медицине и гневался при словах вроде «антиконституционность» или «бюрократическая машина». Он был уверен только в надежности немецких автомобилей и незаменимости фирменной изоленды. Недавно у него появилась и другая отрада, которая указывала путь, как маяк, и обещала приять всем странникам, – заправка «Тат-Нефть» на Новоугличском шоссе между деревнями Запольское и Селково. Только здесь, в чистоте и уюте, в кафе с национальной кухней и вежливым персоналом, он чувствовал себя человеком. Особенно ему нравилось, что в туалетах были одноразовые салфетки для сидений унитазов, мощная, как ветер перемен, антибактериальная сушилка для рук, отдельная роскошная кабинка для инвалидов. В кафе были кожаные кресла, на парковке бесплатная подкачка шин – все это казалось ему невероятным проявлением человеколюбия.

Как обычно, Алексей выехал рано утром, чтобы успеть до пробок. Было шесть сорок, но он все-таки застрял из-за ремонта дороги возле мемориальной ракеты «Восток». В год его рождения на космодроме Плесецк во время запуска такой ракеты прогремел взрыв, погибло почти пятьдесят человек. Стоя в пробке на въезде в Королев, Алексей вспомнил об

этом и представил себя рядовым, помогающим на последней «заправке» перед стартом. Вдруг вспышка, грохот и тишина... Так ли это было? Он попытался вообразить себя спасателем, рвущимся сквозь клубы горящего топлива на выручку товарищам, но не смог. Таким он был: не смелый и не глупый. Поэтому и с его полулегальной автомастерской, набитой полуживыми «мерседесами», дела шли то хорошо, то плохо: клиентов много, а вот с полицией не всегда удавалось договориться.

«Я тут прям душой отдыхаю, – думал Алексей, сидя в кафе своей любимой “Тат-Нефти” и жуя эчпочмак, разогретый пирожок с бараниной, – может, если бы татары победили, мы бы жили в нормальной стране? Там, где не выбрасывают ветхие диваны с балкона, не вскрывают гаражи ради детского велосипеда, не воруют средства через госзакупки. Это, конечно, были, скорее, монголы, но ведь китайские хронисты всех кочевников Великой степи называли татарами...» Он огляделся и снова удовлетворенно заключил, что на заправке полный порядок: натертые до блеска кофейные автоматы, аккуратно завязанный фартук у татарочки за кассой, на плазме мелькают блюда и крупно написаны цены буреков, вакбалишей и бекенов. Есть отдельный стенд с полезными вещами для походов: аэрозоль от комаров, складные ножи и даже фляги для воды. Ему эти приспособления, правда, не нужны, он ведь

У него были любимые блюда: куриный суп, наваристый и сытный, эклер с шоколадным кремом, двойной эспрессо с одной ложкой сахара. Но в то же время перед ним стояла задача попробовать все, что предлагает татарский храм благоденствия тому, кто засиделся в машине. Он многое успел: и грибной крем-суп, и азу, и баурсаки, распробовал тыкмач, бурчак-шурпу и «татарский хворост», оценил блинчики на катыке и кулламу.

едет по работе, по сути, просто возиться с бумагами, но кому-то из проезжающих этой дорогой туристов такой набор может очень пригодиться. Как хорошо придумано!

В Калязин из Китая по железной дороге везли запчасти для устаревших моделей «мерседесов». В Москву их транспортировали уже небольшими партиями на неприметных грузовиках, чтобы уклониться от налогов. Так делал и Алексей. Каждую субботу он проверял детали и подтверждал заказ у калязинских посредников, а в понедельник получал запчасти в столице. По пути каждый раз оставался на «Тат-Нефти».

У него были любимые блюда: куриный суп, наваристый и сытный, эклер с шоколадным кремом, двойной эспрессо с одной ложкой сахара. Но в то же время перед ним стояла задача попробовать все, что предлагает татарский храм благоденствия

тому, кто засиделся в машине. Он многое успел: и грибной крем-суп, и азу, и баурсаки, распробовал тыкмач, бурчак-шурпу и «татарский хворост», оценил блинчики на катыке и кулламу. Горячий бараний бульон с кружочками моркови и кубиками сельдерея. Десерты.

Управляющий с татарской фамилией приметил постоянного посетителя и временами интересовался, как он поживает. Для Алексея это было очередным подтверждением идеальной организации всего, что происходило на заправке. Он все чаще думал о «Тат-Нефти» как о храме, где верят в целебную силу тишины, вежливости и чистоты. Не нужно слушать речь проповедника, чтобы проникнуться этой верой: все, что требуется, – это сходить в сияющий туалет и заказать суп и кофе с булочкой. Однажды какая-то клиентка, карикатурная дама, вся в розовом и блондинка, устроила истерику: стала кричать и требовать, чтобы ее скорее обслужили, потому что она торопится. «Вы как будто перед ней и неторопливо выбирал начинку для пончика. Все недоуменно покосились на нее с упреком: какое возмутительное поведение и где – на «Тат-Нефти»! Если бы у заправки был официальный статус храма, то можно было бы подать на нее в суд за оскорбление чувств.

Шел третий месяц, как Алексей причащался там. Иногда исповедовался соседям по столику. Последний раз разговорился с дальнобойщиком, который мечтал открыть свою пекарню: чиновники нас обманывают, приходится и нам обманывать их, а что делать, как выживать? Он говорил ему, что хотел бы по-честному, что малый бизнес похож на хрому ослицу: она есть, ее можно погладить, а работать не погонит, только сено ей таскай, чтобы не подохла. И вспомнил, что читал где-то – жизнь непассионарных кочевников была такой же бесперспективной: двухлетний сын хана имел больше власти и возможностей, чем когда-либо мог иметь самый мудрый человек.

– Будешь им за каждую проданную булку отчитываться... – пророчил Алексей.

– Не может быть такого, – возражал дальнобойщик.

Алексей решил, что бессмысленно наставлять на путь истинный человека, который не понимает, что ты говоришь, и в ответ только неопределенно вздохнул.

Когда дальнобойщик ушел, Алексей остался сидеть и глядеть в окно. По обочине шоссе в сторону Москвы медленно ехала запряженная лошадкой телега – мужик вез куда-то сено. «Ничего тут не изменилось за

Что-то взвизгнуло у него над головой, а затем еще раз, и еще, пока не попало в колонку дизельного топлива. Одолеваемый нехорошим предчувствием, Алексей подбежал к колонке. Рядом на асфальте лежала сломанная стрела с белым оперением. Он поднял железный наконечник и стал разглядывать его, и в этот момент почувствовал острую боль в левой ягодице.

тысячу лет, – подумал Алексей. – Впрочем, появились правила дорожного движения, а в них – раздел, относящийся к гужевому транспорту». Алексею вдруг захотелось вставать и ехать дальше, в Калязин, чтобы осматривать там свой заказ: шаровые опоры, рулевые рейки, тормозные барабаны и даже архаичные карбюраторы времен холодной войны, каждый раз от этого ему становилось стыдно, мучила совесть, потому что все это было нелегально, он словно опять гнал хроющую ослицу по бездорожью.

К заправке подъехал автобус с детьми. Все они показались Алексею какими-то смуглыми, не совсем русскими. Дети тут же оккупировали туалет и обступили прилавки со сладостями и лимонадом. У кофейных автоматов рядом со столиком Алексея бродил мальчик, Алексей спросил у него:

- А вы что, татары?
- Нет, – ответил школьник и спокойно, выжидающе посмотрел на него.
- Куда едете?
- В Калязин на концерт. Выступать, – сказал мальчик и ушел.

Алексей, повинувшись смутному инстинкту, встал и пошел вместе с детьми в автобус. Никто этому не удивился. Автобус тронулся, и дети запели песню на непонятном языке, но мотив был знакомый. Он пытался подпевать. Дети хлопали в такт песне. Алексей тоже захлопал. Не заметил, как доехали до Калязина. Автобус, трясаясь по разбитой дороге вдоль незамысловатых построек, подрулил к берегу водохранилища.

Все вышли из автобуса – посмотреть на колокольню вдальеке, отрезанную водой от всего мира. Какой-то мальчик выстрелил из рогатки в воду, и на поверхность всплыла рыбешка. «Как это он так? – задумался Алексей. – Ведь вода преломляет свет и не дает попасть в цель».

Когда-то тут был монастырь и рыночная площадь, но большевики взорвали старый город и затопили. Из-под воды послышался глухой гул затонувшего в подвале колокольни старого колокола. Птицы взлетели с воды. Дети образовали хоровод и стали плясать вокруг Алексея, на нем откуда-то взялись разноцветные ленты и лапти...

Проснувшись на заправке за столом, Алексей подумал: к чему бы ему все это привиделось? За окном было темно, и он с облегчением подумал, что ехать в Калязин уже бессмысленно и можно возвращаться домой. Алексей вдруг понял, что сам обрек себя на выполнение суетных обязанностей хозяина полулегальной автомастерской. Взял кофе с молоком и вышел на пустую стоянку. За ней было заросшее высокой травой поле, по которому проходила граница между светом от фонарей заправки и тьмой. Он глубоко вдохнул прохладный воздух и почувствовал какой-то тягостный запах. Этот запах становился все крепче. Зловещая вонь надвигалась с поля, будто приближался товарный состав с мусором, но это было маловероятно. Алексей задумался над объяснением происходящего. Послышался гул, будто где-то на соседнем поле начался ночной футбольный матч и кто-то успел забить.

Алексей удивленно вглядывался в темноту. Что-то взвизгнуло у него над головой, а затем еще раз, и еще, пока не попало в колонку дизельного топлива. Одолеваемый нехорошим предчувствием, Алексей подбежал к колонке. Рядом на асфальте лежала сломанная стрела с белым оперением. Он поднял железный наконечник и стал разглядывать его, и в этот момент почувствовал острую боль в левой ягодице. Алексей ощупал свой массивный зад и с ужасом обнаружил, что там застряла такая же стрела. «Вроде неглубоко засела, – пронеслось у него в сознании, – только бы кость не была за-

дета». Боль резко усилилась. Он обернулся и увидел, что на темном поле появились силуэты сотен всадников, которые стремительно приближались. Он упал на асфальт и пополз к автомату подкачки шин, чтобы спрятаться. Успел. Мимо с гиканьем проскакали всадники. Алексей побоялся взглянуть на них. Всадники понеслись дальше, к белой церковке, к селу на другой стороне шоссе. Алексей сжался в комок, насколько это было возможно при его ста двадцати килограммах, стараясь не двигаться, чтобы не привлечь внимания. Он подумал, что татары, кажется, убивали только тех, кто им не подчинялся, а значит, если его захватят в плен, то надо быть покорным, и, возможно, потом получится убежать.

Рассудок заволокла новая волна боли. Через некоторое время он выглянул из-за автомата подкачки шин и увидел, что село пылает, и совсем не так, как пылает романтический закат, скорее, это был средневековый огонь смерти. Алексей заметил хозяйственную дверь с тыльной стороны здания заправки и пополз туда. Дверь, на счастье, была не заперта. Он протиснулся туда, в кладовку с метлами и лопатами, тут же закрылся на задвижку и забаррикадировал дверь какими-то вещами. Пульсирующая боль разрывала зад. Он сделал несколько глубоких вдохов, изо всех сил зажмурился, будто это могло помочь, и выдернул стрелу, завыв от боли. Кровь потекла сильнее. Алексей услышал, что кочевники возвращаются. Лежа в углу, он нащупал какую-то тряпку и прижал ее к ране. Сквозь стену доносился гомон, плеск воды и шум электрической антибактериальной сушилки. Через некоторое время все стихло. Алексей решил, что татары ушли, вынул из... кармана рубашки свой китайский мобильник, вызвал МЧС и потерял сознание.

ПОДЗЕМНЫЙ ПОКЕР

Правила такие. Используется колода из пятидесяти четырех карт. Раздается по пять, участники кладут на кон по пятьдесят копеек. Смотришь свои карты – и если у тебя собирается приличная комбинация, изображаешь печаль или равнодушие, чтобы обмануть соперника, бросающего на тебя изучающий взгляд.

Иерархия комбинаций такая:
пять карт одного достоинства
поряд одной масти (стрит-флеш)
четыре (каре)
три плюс два (фулл-хаус)
масть (флеш)
поряд (стрит)
тройка
две двойки
двойка

Происходит обмен ненужных карт на те, что остались в колоде. Пятьдесят копеек за карту. По часовой стрелке от раздающего. Теперь у всех на руках итоговая комбинация. Несколько секунд тишины занимают оценка ситуации и продумывание дальнейшей стратегии. Раздающий делает первую ставку.

- Даю рубль!
- Пять!
- Джокера, что ли, хапнул?
- Поддерживаю!
- Скидываю.

- И что теперь?
- Ты должна повисить и продолжить, за четыре рубля открыться или скинуть.
- Даю десять...
- Тридцать.

Дядя Вася лезет за кошельком, всем своим видом показывая, что готов бросать на кон крупные купюры. Все вглядываются в его веснушчатое лицо, стараясь понять, блефует или нет.

Бабушка со смехом сбрасывает карты. Дядя Вася кладет на кон сто рублей. Все сбрасывают, кроме дяди Андрея, его брата.

Он кладет двести.

Дядя Вася кладет пятьсот.

Дядя Андрей – тысячу. Получает в ответ две тысячи. За тысячу вскрывается. У него поряд, а у дяди Васи всего лишь тройка на тузах. Я вздыхаю, ведь была масть – можно было выиграть, если бы не такие большие ставки.

Только в связи с недавними обстоятельствами я услышала историю о том, как в нашей семье стали играть в покер. Началось это, когда мой прадед жил с семьей в ивановском доме-подкове, построенном для энкавэдэшников, а его сестры – в старом семейном доме на Черкасской. Дом-подкова напоминал крепость. Не ту, где проводятся веселые пиры и рыцарские собрания, а, скорее, замок ведьмы Гингема:

Дом-подкова напоминал крепость. Не ту, где проводятся веселые пиры и рыцарские собрания, а, скорее, замок ведьмы Гингема: это был серый овалыный дом с окнами-бойницами, неприступными металлическими воротами и часовыми.

это был серый овалыный дом с окнами-бойницами, неприступными металлическими воротами и часовыми. Ходили слухи, что из подвала шел подземный тоннель прямо в ОГПУ. Бабушка говорит, что подземного хода не было, но, знаете, там, где мы сейчас находимся, в подземный ход поверить легко. Так вот, вскоре после Второй мировой войны, когда быт налажился, в доме на Черкасской собиралась вся семья, играли в карты и домино на деньги. Время от времени кто-нибудь вскакивал со своего места и произносил запальчивую речь о бессердечии родственников или шальной красотке Удаче, бессознательно устремляя палец в потолок. Все присутствующие инстинктивно поднимали взгляд вверх, и речь тут же заходила о ремонте крыши, а недовольство таяло и исчезало.

В доме напротив жил художник Пророков, который рисовал во время войны карикатуры на немцев. За это его наградили орденом Красной Звезды, а потом Ленинской премией. После его смерти Черкасскую, которая до этого уже была Прислонихой, Московским переулком и 1-й Поперечной Московской улицей, переименовали в улицу Пророкова. К тому времени семья поредела, играть было особо не с кем. Тогда моя прабабушка организовала вместе с подругами-пенсионерками карточный клуб. Они собирались по шесть человек, по очереди принимали у себя в гостях картежную команду. Кружок собирался каждую среду, после чего делался небольшой перерыв и подсчитывалось количество побед. Именно на собраниях этого кружка сформировались те правила игры, по которым мы до сих пор играем.

Иногда старшие внуки пытаются склонить остальных сыграть в «правильный» покер. Но очень быстро становится ничего не понятно, и мы снова играем в свой, наследственный.

Раньше мы играли, когда собирались у бабушки по праздникам. Сначала обед, за которым делились последними новостями. Часто именно в этот день играл «Спартак», поэтому дяди и братья слушали разговоры вполуха и все время косились на телевизор с непривычно задумчивыми и сосредоточенными лицами. Когда «Спартак» забивал, разносился дружный победный клич прямо посреди истории о том, как кот залез на шкаф.

Обед длился около трех часов. Попадались закуски, пробовались вина и колбасы, привезенные из заграничных поездок, потом подавался суп, затем из духовки бабушка доставала жаркое. К этому времени мужчины переходили на крепкие напитки, а женщины допивали вино. Часто после жаркого была возможность отведать блинов с начинкой. После того как последний человек заканчивал есть, еда и посуда убирались со стола, внуки несли из серванта на стол чашки и блюдца, из кухни – чайник с заваркой и чайник с кипятком. Стол стремительно заполнялся сладостями и вскоре так же стремительно от них освобождался. Шоколад был тоже из-за границы.

После чая наступало время покера.

Впрочем, и сейчас все происходит так же. Только трапезы стали не такие изобильные: нужно разумно распределять запасы тушеного мяса, копченой рыбы, печеной картошки, черной икры, голландского сыра и бельгийских шоколадных плиток.

Все достают припасенную мелочь. Кто-то любит строить из монет башенки, кто-то просто распределяет по номиналу в разные кучки. Дядя Вася потирает руки, дядя Андрей подкладывает под спину подушку, внуки переглядываются, а бабушка сидит во главе стола и радуется тому, что семья в сборе. Тети тем временем моют на кухне посуду.

– Меняю все пять!

– На что ты, Дусик, надеешься?

Дядя Вася поправляет очки и загадочно улыбается.

– Кто меняет?

– Все поменяли!

– Даю рубль!

– Поддерживаю.

– И я.

– Тоже.

Бабушка кладет пять рублей.

- У-у-у!
- У кого-то двоечка?
- Ну раз бабушка пять дает, надо сбрасывать!
- Даю десять!
- Двадцать!
- Пятьдесят!
- Бабушка кладет сотню.
- О-о-о!
- Все сбрасывают. У бабушки двойка на вальтах.
- А помните, как мы тут играли и у Васи было подряд одной масти?..
- Стрит-флеш!
- Ну да, а одновременно Андрей у себя дома играл с племянниками. И у него тоже получился...
- Стрит-флеш!
- Бывает же такое!
- А помните, Вася пятнадцать тысяч выиграл?..
- Все в семью!
- За это надо выпить...

Благодаря игре мы забывали, что уже несколько месяцев живем под землей: началась Третья мировая война. Многие отказывались верить, что правительства станут использовать атомное оружие, но только не дядя Андрей. Он заранее построил под своим дачным участком двухуровневый бункер. Как только коалиция сбросила первую бомбу на Ханты-Мансийский округ, где добывалось особенно много нефти, мы переехали в бункер, хотя и находимся далеко от Сибири, в Московской области. Пронесся слух, что следующий удар будет нанесен по столице. Сотни тысяч людей, пытаясь выехать из Москвы, стояли в многосурочных пробках, лишь бы уехать в более безопасные регионы. Но как они там живут? Как беженцы. А ведь скоро зима. В общем, надеемся на лучшее. Нас бомбят, но обычными бомбами, слава богу. Радиации нет. На верхнем этаже бункера мы живем, а вниз спускаемся, когда чувствуем, что земля трясется от далеких взрывов, – коалиция бомбит какие-то подмосковные склады. Но это не чаще пары раз в сутки. Пока мы тут сидим, я узнала много семейных историй, которые, если бы не новая война, могли бы исчезнуть. Хотите, я расскажу вам, как мой прапрадедушка бежал из немецкого плена и пять месяцев жил в лесу?